

УДК 340

DOI 10.52928/2070-1632-2021-59-14-131-135

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ
В ДОХРИСТИАНСКИЙ ПЕРИОД**

канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК
(Белорусский государственный университет, Минск)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3242-4647>

В статье исследуется отражение в традиционной культуре процессов возникновения и развития государственно-правовой системы. Рассмотрены мифы о происхождении власти, рождении ее носителей, источниках правопорядка, которые были широко распространены среди жителей древней Беларуси, их влияние на государственно-правовую реальность восточнославянских княжеств и Великого Княжества Литовского.

Ключевые слова: традиции, мифы, власть, государственность, правопорядок.

Введение. Изучение обстоятельств генезиса и становления государственности и права в Беларуси, формирования важнейших государственных институтов, влияние на их развитие локальных и глобальных факторов, в том числе изменений социально-экономических основ общества, невозможно без изучения политико-правовых концепций. Именно в них происходит как осмысление исторических закономерностей, воздействующих на общество сил, зарубежного влияния, так и формируется ответ на указанные вызовы, предлагается радикальная или умеренная программа модернизации государственных или правовых реалий.

Важнейшими элементами, развитие которых является маркерами, которые отражают приспособление общества к возникающим вызовам и по которым можно судить об успешной (или неуспешной) адаптации к ним государственных и правовых институтов, являются сущность и назначение власти и права, форма государства, место, роль и эффективность функционирования важнейших институтов, таких как глава государства, представительные органы и др. Изучение их отражения в политико-правовых концепциях на каждом этапе развития государственности Беларуси обеспечивает выявление закономерностей ее функционирования в условиях смены социально-экономических формаций, воздействия внешнего влияния.

Первым этапом, на котором можно наблюдать попытки осмысления еще только возникающих государственности и правопорядка, их формирования и развития под воздействиями внешних и внутренних факторов, является догосударственная история Беларуси. Генезис государственности, формирование права находили свое отражение в традиционных мифах. Однако исследование последних вызывает значительные трудности в связи с отсутствием аутентичных сборников мифологических текстов наподобие северогерманской Эдды. В результате современным исследователям достались лишь отрывки средневековых древнеславянских летописей и западных хроник, поучений против язычников и жития святых, авторы которых довольно механически включали элементы языческих мифов славянского и балтского населения сопоставляя их с ортодоксальным христианским мировоззрением и имевшимися у них представлениями об античном язычестве [1, с. 9]. Также о традиционном мировоззрении жителей древней Беларуси позволяют судить археологические находки из ареала славянского расселения (напр., Збручский идол и святилище на горе Богит, где он был найден, и др.), а также лингвистический и этнографический материал. Последний, однако, также не представляет собой сбор однозначных для интерпретации мифов, а подлежат отчитыванию и анализу с учетом современных представлений о мифотворчестве, или даже о сути человеческого мышления ввиду того, что сами этнографические образы представляют собой наслоения представлений множества поколений, результат ремесленного приспособления аутентичных и заимствованных понятий и образов для решения стоящих перед тем или иным обществом древности задач.

Если сбором этнографического материала, изучением и реконструкцией традиционной культуры славян и балтов, и, в том числе, жителей древней Беларуси занималось множество этнографов, историков культуры, то анализ ее влияния на становление политических и правовых институтов, их отражение в ней, ввиду крайней фрагментарности материала не получил должного изучения. Так, известнейший историк и археолог, знаток культуры древней и средневековой Руси, акад. Б.А. Рыбаков лишь затрагивает аспекты власти в ходе изучения языческой культуры славян и Древней Руси. Отдельные аспекты отражения в традиционной культуре вопросов власти и права прослеживаются в работах белорусских историков культуры С.И. Санько и А.В. Дзермана. В свою очередь российский ученый, член-кор. РАН, д.юр.н. Г.В. Мальцев посвятил ряд работ юридическим аспектам культуры славян в контексте культур иных цивилизаций древности. Несмотря на это, вопросы изучения взглядов древних жителей Беларуси на власть и право требуют дальнейшего изучения и анализа.

Основная часть. С первого этапа история белорусских земель определялась столкновением глобальных и локальных особенностей. К первым мы можем отнести общность индоевропейской культуры, постоянный приток все новых и новых потоков переселенцев на территорию Беларуси (балтов, славян), в разное время отколовшихся от общего «индоевропейского массива», интенсивное взаимодействие местного населения с окружающим миром (вплоть до экспансии варягов). Локальными факторами являлись особенности местного климатико-географического района, в том числе необходимость заселения обширных территорий Восточной Европы,

длительное сохранение сельской территориальной общины и общинного землеустройства. Участие древних жителей Беларуси в глобальных и локальных процессах породили уникальность местной государственной и правовой культуры, творческое преобразование ею общинноевропейских мифов.

Прежде всего это относится к распространенности легенд о жизни легендарного патриарха – основателя племени, от семьи которого и происходят местные племена. В данном случае можно упомянуть Скифа из «Легенд о Словене и Русе и городе Словенске», подобную легенду о Пане и его сыновьях Чехе, Лехе и Русе из чешских и польских летописей, или вариант из белорусских преданий о Бае (Буе, Бое) – первом человеке, один из сыновей которого – Белополь – предок белорусов¹ [2, с. 165–166]. Отражение переселения народов обнаруживается в белорусском предании «Палешукі і палевікі», которое рассказывает о междоусобице из-за наследства, вспыхнувшей между детьми прародителя, в которой не захотели участвовать младшие братья, отправившиеся вместе со своими семьями и скотом на поиск свободных земель и расселившиеся на территории Восточной Европы в её лесах и полях². Прибытие переселенцев и их взаимодействие с местным населением отражаются и в распространенности мифа о близнецах, которые пропав в заморских странах возвращаются, восстанавливают свое доброе имя и принимают власть [2, с. 172]. Миф, показывающий приход (возвращение) чужеземцев (своих пропавших), облегчал, а с другой стороны и отражал, взаимодействие с последними, даже если они происходили из других племен. Так, из-за моря приходят братья Аскольд и Дир в Киев, Рогволод и Тур – в Полоцк и Туров, Рюрик с братьями – в Новгород. Таким образом, ассимиляция норманнов или правление Миндовга в Новогрудке во многом соответствовали традиционным представлениям местного населения, были в их глазах легитимными.

Мифы, в том числе переходящие в предания и сказки, описывают и отношения власти. Отметим, что долгое время атрибутами лидеров, восходящими, по мнению Б.А. Рыбакова, к палеолитическим временам, являлись звериные шкуры, способность оборачиваться зверями [3, с. 630]. И если в самые древние времена все племя сохраняло тесную связь с тотемическим животным (напр., запись Геродота о неврах, которые раз в год оборачивались волками [4, с. 747], то впоследствии возможность оборачиваться волком, связь с данным животным сохраняет лишь герой. Отметим, что именно к Беларуси относится множество сказок и преданий о волколаках³, с волком сравнивается и жених, и его дружина. В данном случае можно вспомнить и Всеслава Чародея, и героя сказок севера Украины и юга Беларуси Ивана Сучича (сучьего сына – сына собаки), Серого волка – помощника Ивана в многочисленных сказках. В России же распространен русский вариант – Ивана Коровьего сына (Иван-Кобылин-Сын, Иван-Коровий-Сын, Иван Быкович) [3, с. 614]. Да и в последствии волчья шкура длительное время становилась отличительным элементом одеяния воинов на территории Беларуси и Польши⁴.

Преобладание мужчин в сфере властных отношений минимум вплоть до XX века сказалось на образе женщины в традиционной культуре. Так, она редко выступает главным деятельностным героем в преданиях, сказках, песнях. Чаще всего ее похищают, отдают в качестве дани, выдают против воли замуж. Её нужно найти, отбить, спасти. Становление патриархальных отношений исследователь традиционной культуры Б.А. Рыбаков связывает с бронзовым веком, что отражается в пантеоне верований. Он отмечает, что в земледельческом энеолите были только рожаницы; мужские божества начинают появляться в конце трипольской культуры, но занимают второстепенное место. «Для торжества идеи мужского божества, как Хозяина Мира, обязательным условием является полная победа патриархата. Где-то в бронзовом веке (может быть, в конце его, когда возросла роль земледелия), по всей вероятности, оформился принципиально новый, вытекающий из мировоззрения земледельцев, культ бога Вселенной – Рода» [3, с. 636]. Одним из примеров доминирования патриархальных отношений в традиционном обществе выступают и победы главного героя над Бабой Ягой и ее конным войском, змеихами и т.п. Б.А. Рыбаков относит возникновение данных сказок к праславянской эпохе, к периоду борьбы местного населения с «женоуправляемыми» киммерийцами и сарматами (XI – VIII вв. до н.э.) [3, с. 620–621].

Показательным является и факт того, что если в период расцвета предгосударственного язычества на Збручском идоле (IX в. н.э.) присутствуют изображения Макоши, Лады, Дажьбога и Перуна, по версии ученых, слитых в форме фаллического идола, означающего единое вселенское божество – Рода [4, с. 787], то уже в пантеоне князя Владимира, осуществившего религиозную реформу язычества накануне принятия им решения о крещении Руси, среди богов-мужчин присутствует лишь одна богиня Макошь, которую летописец ставит на последнее место, после даже священной собаки Симаргла. Данный факт свидетельствует об окончательно победившем на официальном уровне патриархате.

Данные факты тем более показательны, что древняя матриархальная вера в двух хозяек мира – рожениц, возникшая еще в период охотничьего общества, а затем уступившая первенство патриархальному Роду, будет встречаться вплоть до конца XIX в. н.э., а «женское божество, ассоциируемое с «мать-сырой-землей», с плодородной силой земли, жило и в языческой и в христианской форме (богородица, «матушка-владычица») как главный персонаж аграрного культа вплоть до XX в.» [3, с. 369]. Б.А. Рыбаков по данному поводу замечает, «в пер-

¹ Адкуль пайшлі беларусы // Легенды і паданні / Склад. М.Я. Грынблат і А.І. Гурскі ; рэд. тома А.С. Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – С. 78–79.

² Палешукі і палевікі // Легенды і паданні / Склад. М.Я. Грынблат і А.І. Гурскі ; рэд. тома А.С. Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. — С. 79–81.

³ Волколак // Славянская мифология: энцикл. сл. – Изд. 2-е. – М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 87.; Воўк // Беларуская мифалогія: энцыкл. сл. / С. Санько [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 2004. – С. 90.

⁴ Воўк // Беларуская мифалогія: энцыкл. сл. / С. Санько [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 2004. – С. 90.

вобытной патриархальной среде и в условиях дружинного строя и государственности, когда власть принадлежала мужчинам, первичное женское божество утрачивало свое первенствующее положение и в генеалогии, и в действующей системе религиозных представлений. Создавалось новое, устойчивое распределение функций, которое схематически выглядит так: небом и миром управляет мужское божество, а уделом женского божества остается земля, земная природа, плодородие возделанной почвы. В связи с социальной стратификацией архаичное женское божество благодаря своей аграрной сущности остается главным народным божеством, а бог неба, небесный громовержец – богом вождей, царем богов и нередко супругом богини земли» [3, с. 369].

В традиционных источниках отражается и эволюция легитимации власти. Мифы о правителях как основателях-патриархах сменяются мифами о мудрых и храбрых правителях, избираемых народом. Так, в белорусском предании «Векавечная мяжа» кузнеца Радара избрали князем⁵, подобный сюжет мы находим и в Польше, где сын крестьянина Котышка Пяст становится родоначальником польских королей [3, с. 608]. Претензия на власть в случае с Радаром отражает как его мастерство, так и храбрость в сражении с Змеем, которого он побеждает, а затем запрягает в плуг и проводит границу владений – змеиные валы. Подобный сюжет в разных вариациях уже с охристианенными братьями-кузнецами Кузьмой и Демьяном⁶ или даже слитым в один персонаж Кузьмодемьяном повторяется в многочисленных украинских преданиях и сказках [3, с. 567] и отражает как переход от бронзы к железу, так и борьбу с кочевыми народами. Б.А. Рыбаков датирует возникновение богатырских эпосов и преданий о божественных кузнецах I тыс. до н. э., отмечая, что «наряду с героями царственного происхождения русский сказочный фонд содержит такие сказки-мифы, в которых герой происходит из деревни, царства не завоевывает, но Змея побеждает» [3, с. 637].

Если обратиться к периодизации становления властных отношений в обществе, предложенной д. ист. н., проф. О.И. Омельченко [5, с. 28–34], то власть патриархов отражает первый период генезиса власти – стадию социально-биологической иерархии организации власти, а период выборных мастеров-богатырей – следующий период – социально-культурной иерархии.

Очередной этап становления властных структур – надобщинная властная организация – нашел свое отражение в преданиях о любимцах богов, которые хитростью, смекалкой, а то и силой приобретают власть. Так, своеобразная версия выборов правителя отражена в предании о Витовте, в котором представления о реальной исторической личности наслоились на догосударственный миф: «Быў у Польшчы кароль-багатыр, да памёр. Як караля абабраць, адкедава? Вот што ўздумалі яны, усё начальства: – Акапіруем мы лошадзь багатырскую (прэжняга караля) у сядло і паложым меч і острыя копія і пусцім яго лошадзь у свет і будзем за ёю ўслед слядзіць, ідзе яна сабе абярэць ездака – таго крулем прызнаем. Слядзілі за лошаддзю, услед ехалі, а яе пусцілі, два месяцы за ёю слядзілі. Прыходзіць лошадзь у дзярэўню і пайшла прама з дзярэўні на гумно, і віў там старык абрыўкі за авінам. Лошадзь как ішла, пала перад старыком на калена. І падходзюць слядзіцелі ўслед за лошаддзю: стаіць лошадзь на каленках. Ну, яны казалі: — Ты наш круль-цар, цябе прызнала лошадзь і мы. Як ты абрыўкі віў, будзь круль Вітаўт»⁷. В данном предании выбор правителя определяется божественным провидением, которое соотносится с общеиндоевропейскими представлениями о конях как вещунах богов, дающих в том числе знак о получении власти⁸. В предании же о ранее упоминавшемся сыне Бая Белополе, последний хитростью приобретает обширные владения выпустив перед собаками птиц с разных морей, за которыми они и помчались, отмечая границы его владений⁹. Миф о «близнецах», также связывает власть с волей богов и качествами героев. Сам факт рождения однополых близнецов – уже сам по себе знак божьего благоволения. Затем они своими качествами, например, пройдя испытание изгнанием, приобретают власть. Данная эволюция отражает переход от родовой организации общества к соседским общинам, а затем и передачу власти от родовой знати к военачальникам – князьям. Последние были превознесены в условиях, когда грабеж был выгоднее производительного труда, и для защиты от нападений земледельцам было экономически целесообразно содержать профессиональных солдат [6, с. 47–49], в том числе из числа иностранцев.

Нарождающаяся военная демократия сразу же нашла свое место в сфере религиозных представлений. Так, исследователи связывают возникновение культа бога войны Перуна с протославянской эпохой и, в частности, с культурой шаровых амфор, «когда впервые обозначились черты военной демократии, военная напористость дружин, расселение, сопровождавшееся завоеванием и насильственным вторжением. Перун тогда был, очевидно, не столько богом оплодотворяющих туч, сколько Перуном-Грозой, грозным божеством первых племенных дружин, конных пастухов-воителей, вооруженных боевыми топорами, надолго ставшими символом бога грозы» [3, с. 438]. В эпоху Збручского идола (IX в. н.э.) Перун уже расположен на четвертом месте среди изображений божеств. В данном случае, упомянутая религиозная реформа Владимира также является показа-

⁵ Векавечная мяжа // Легенды і паданні / Склад. М.Я. Грынблат і А.І. Гурскі ; рэд. тома А.С. Фядосік. – Мінск.: Навука і тэхніка, 1983. – С. 82.

⁶ Кузьма-Дзямян // Легенды і паданні / Склад. М.Я. Грынблат і А.І. Гурскі ; рэд. тома А.С. Фядосік. – Мінск.: Навука і тэхніка, 1983. – С. 133–134.

⁷ Вітаўт // Легенды і паданні / Склад. М.Я. Грынблат і А.І. Гурскі ; рэд. тома А.С. Фядосік. – Мінск.: Навука і тэхніка, 1983. – С. 233–234.

⁸ Вітаўт // Беларуская міфалогія : энцыкл. сл. / С. Санько [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2004. – С. 85–86.

⁹ Адкуль пайшлі беларусы // Легенды і паданні / Склад. М.Я. Грынблат і А.І. Гурскі ; рэд. тома А.С. Фядосік. – Мінск.: Навука і тэхніка, 1983. – С. 78–79.

тельной [4, с.455]. Перун – бог княжеской дружины, – наконец возглавляет официальный пантеон, и, волей князя, отодвигает в сторону и изгоняет из него архаичного Рода, которого в виде культа предков поминают славяне еще долгие столетия и которого еще долго критикуют церковные идеологи, а равно Волоса (Велеса), «скотьего бога», бога богатства, урожая, бога простого народа. «Народные» боги не устраивают сформировавшуюся военную и жреческую элиту и изгоняются из официального пантеона. Таким образом, религиозная реформа Владимира стала отражением как окончательной победы патриархата, так и становления и укрепления княжеской власти. Б.А. Рыбаков отмечает и тот факт, что когда, после принятия христианства, описывалось свержение языческих идолов, то речь шла только об одном Перуне (Волос упомянут мимоходом); остальные боги вообще не удостоились внимания летописца [4, с. 788].

Историки отмечают тесную связь военной демократии с погребальным обрядом «соумирающих», когда вместе с племенными вождями и знатью осуществляется насильственное захоронение людей [3, с. 263]. Б.А. Рыбаков отмечает, что после захоронения «спутников» с жрецами-шаманами, которое практиковалось в охотничьем обществе, возрождение практики ритуальных насильственных захоронений произошло на рубеже бронзового века и было связано с усилением роли вождей пастушеских племен и возданием им посмертных почестей. Затем оно продолжились и в тштинский и скифский период, упоминается Геродотом, подтверждается археологическими раскопками царских курганов в Украине и сохраняются вплоть до крещения Руси. Так, на миниатюре Радзивилловской летописи, иллюстрирующей языческое жертвоприношение князя Владимира Святославича 12 июля 983 г., изображен процесс жеребьевки для отбора жертв: «мече и жребы на отроky и на девицы – на него же падет, того зарежем богом» [3, с. 264]. По одной из версий древний общеславянский термин «смерды» как раз и означал «соумирающих» слуг (от скиф. «мар» – убивать; рус., и укр. «мордовать» – убивать («замордован» – убит). Возможно, что слово «смерд» состоит из корня, обозначающего смерть, и предлога «с», связанного с коллективностью действия, как в словах «спутники» («совместно путешествующие»), «соседи» («совместно проживающие»), «соратники» и т.п. В этом случае «смерды» («сь-мерды») должно обозначать «совместно умирающих», «совместно приносимых в жертву» [3, с. 292].

Таким образом, ритуальные обычаи также отражали становление социальной дифференциации населения, подчеркивали возвышение князей и знати.

Для местной традиции характерны и мифы, отражающие дихотомию власти. Каждый из братьев-близнецов, получивших власть, избирает для себя отдельную сферу регулирования общественной жизни. Так, у пруссов прибывший «сын вдовы» Видевут со своим братом Бругеном наделяют соплеменников законами и разделяют между собой светскую и духовную власть. По мнению С. Санько, подобное разделение наблюдается и в Литве, где правят князь-кунигас и священник Криве-Кривайтис [2, с. 185]. Связь военного и жреческого отражена и в созвучии во многих славянских языках слов «князь» и «жрец» (чешский: князь — kněz, жрец — kněz; польский: князь — książę, жрец — ksiądz). Само слово «кнес», «князек», по мнению Б.А. Рыбакова, происходит от древнего корня «кнль» – начало, основа [3, с.173]. Затем идеи дихотомии власти повлияли на существование двоевластия Кейстута и Альгерда, Витовта и Ягайлы и даже продолжали существовать в формуле «Речь Посполитая обоих народов», хотя в последних случаях традиционное обоснование напрямую уже не использовалось [2, с. 185]. Возможно, данные традиционные представления, в том числе, препятствовали укоренению в ВКЛ принесенных извне и требовавших слияния властей идей, как цезарепапизм или папацезаризм.

Демократический элемент, которые в летописное время найдет свое выражение в вечевых собраниях, также нашел отражение к традиционной культуре, о чем свидетельствуют сохранившиеся лексические термины. Так, собрания целого племени на большие празднества назывались «соборами» и «событиями» (от «со-бытия», совместного бытования). Практика же активного приглашения для участия в организованных князем требах горжман, в былинах превратившаяся в хлебосольные пиры, свидетельствовала о привлечении их к управлению государством и обеспечении противовеса наемной дружине [4, с. 430–432]. А «ритуальные пиры в честь Перуна и других богов могли быть своего рода расширенными заседаниями боярской думы» [4, с. 430].

Традиционные взгляды на право у жителей древней Беларуси, в свою очередь, отражают эволюцию взглядов от представлений о предвечном божественном законе (от древнеславянского «кон» (кун) – «начало», «граница» («предел») [7, с. 173]) к космическому «порядку» (вед. *ṛtá* «космический закон, который управляет вселенной и сферой человеческих отношений», авест. *aša* (*arta*) «справедливое, верное», блр. *парадак*, *рад* [8, с. 234; 7, с. 171]), который выражает, в том числе, общее согласие и согласие членов человеческого сообщества (корень «*ряд*» встречается в словах «*урад*», «*парада*», «*рада*», «*радзица*»). Последние значения отражают постепенное насыщение закона не только нормами, органически возникшими и вытекающими из экономической и иной деятельности, но и общепринятыми нормами, возникшими в результате договоров, обсуждений, соглашений.

Дальнейшая эволюция взглядов на право отражает все большее человеческое участие в формировании правовых норм. В своем обобщении ряда исследований балтийских и восточнославянских традиций А.В. Дерман отмечает: вместо логического противопоставления правого-левого, правого-неправого в славянских и балтийских языках иногда используется противопоставление правда-кривда, причем кривизна рассматривается как способность использовать божественные законы на благо человека и гарантирует путь к его процветанию. Последнее обстоятельство сказалось на специальной терминологии, относящейся к религиозной сфере: прус. *Krive* «Первосвященник», лит. *krivis*, *krivė*, *krivaitis*, лат. *krīvs* «священник», лит. *krivūlė*, *krivė* «согнутый на конце жезл священника; символ связанной определенной религиозной традицией территориально-соседской общины» и другие. [8, с. 236–237]. Возможно, эта связь отражала в мировоззрении людей постепенный переход от изна-

чального закона-правды, лежащего в основе обычаев, к государственному праву, которое все еще ссылается на традиции, но уже изменяется и провозглашается устами священников, все дальше и дальше отдаляясь от простых людей, становясь для них чужим.

Ещё одной местной особенностью, отличной от немецкого фатализма, стало позитивное отношение, высказываемое в традиционной культуре, к судьбе, на которую можно влиять и заставить служить человеку. В результате, нормы, возникшие у славян из солидарной экономической деятельности, в отличие от немецких народов, где они возникали для примирения кровавых распрей и конфликтов, были менее сакрализованы [7, с. 203] и после прихода христианства дольше сохранялись в жизни народа, особенно в жизни крестьян.

Заключение. Таким образом, традиционная дохристианская культура на протяжении многих веков как оказывала влияние на функционирование государственной и правовой системы на белорусских землях, так и отражала основные изменения в становлении и развитии политических институтов. Особенности ее формирования стали результатом сочетания внешних и внутренних факторов, происходили на фоне смены экономического уклада жизни общества, геополитических изменений.

В традиционной культуре жителей Беларуси дохристианского периода отражены следующие черты:

- взгляды о переселении народов и первоначальном патриархальном характере власти;
- эволюция мифов о носителях власти: прародитель-патриарх, мастер-богатырь, любимец богов и сильный воин, что отражало развитие властных структур от социально-биологической и социально-культурной иерархий к надобщинному управлению;
- эволюция властных иерархий находила отражение в формировании религиозного пантеона и ритуальных практик, представлений о праве как результате согласования интересов, десакрализованных взглядов на право.

ЛИТЕРАТУРА

1. Szyjewski, A. *Religia słowian* / A. Szyjewski. – Kraków : Wyd. WAM, 2003. – 268 s.
2. Санько, С.І. Архаічныя беларускія міфалагічныя наратывы / С.І. Санько // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – Т. 1.: Эпоха Сярэднявечча / В.Б. Евароўскі [і інш.] ; рэдкал.: В.Б. Евароўскі [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – С. 160–232.
3. Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М. : Академический Проект, 2013. – 640 с.
4. Рыбаков, Б.А. Язычество древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М. : Академический Проект, 2013. – 806 с.
5. Омельченко, О.А. Всеобщая история государства и права : учеб. В 2 т. / О.А. Омельченко. – М. : Остожье, 1998. – Т. 1. – 512 с.
6. Новікаў, Я.У. Ваенная гісторыя беларускіх земляў (да канца XII ст.). Том 1 / Я. Новікаў. – Мінск : Логвінаў, 2007. – 208 с.
7. Мальцев, Г.В. Культурные традиции права / Г.В. Мальцев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 608 с.
8. Дзерман, А.В. Архаічнае права і традыцыйная правасвядомасць / А.В. Дзерман // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – Т. 1.: Эпоха Сярэднявечча / В.Б. Евароўскі [і інш.] ; рэдкал.: В.Б. Евароўскі [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – С. 232–241.

REFERENCES

1. Szyjewski, A. (2003). *Religia słowian [Religia Slavians]*. Kraków: WAM. (In Polish).
2. San'ko, S.I. (2008). Arkhaichnyya belaruskaya mifalagichnyya naratyvy. In *Gistoryya filasofskai i gramadskapalitychnai dumki Belarusi*. In 6 vol. Vol. 1. Epokha Syarednyavechcha. V.B. Evaroŭski (Eds). Minsk: Belaruskaya navuka. (In Belarus).
3. Rybakov, B.A. (2013). *Yazychestvo drevnikh slavyan [Religia Slavians]*. Moscow: Akademicheskii Proekt. (In Russ.).
4. Rybakov, B.A. (2013). *Yazychestvo drevnei Rusi [Paganism of the ancient Slavs]*. Moscow: Akademicheskii Proekt. (In Russ.).
5. Omel'chenko, O.A. (1998). *Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava. [General history of state and law]*. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Ostozh'e. (In Russ.).
6. Novikaŭ, Ya.U. (2007). *Vaennaya gistoryya belaruskikh zemlyay (da kantsa XII st.)*. Vol. 1. Minsk: Logvinaŭ. (In Belarus).
7. Mal'tsev, G.V. (2013). *Kul'turnye traditsii prava [Cultural traditions of law]*. Moscow: Norma : INFRAM. (In Russ.).
8. Dzerman, A.V. (2008). Arkhaichnae prava i tradytsynaya pravasyadomast's'. In *Gistoryya filasofskai i gramadskapalitychnai dumki Belarusi*. In 6 vol. Vol. 1. Epokha Syarednyavechcha. V.B. Evaroŭski (Eds). Minsk: Belaruskaya navuka. (In Belarus).

Поступила 11.10.2021

POLITICAL AND LEGAL THOUGHTS OF THE INHABITANTS OF ANCIENT BELARUS

D. SHCHERBIK

The article examines the relationship between traditional culture and the genesis of the state and legal system. The author describes myths about the origin of power, sources of law and order, which were widespread among the inhabitants of ancient Belarus, their influence on the state and legal reality of the East Slavic principalities and the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: traditions, myths, power, statehood, law and order.